

ной печати, немало ее очерков и рассказов осталось на страницах фронтовых и армейских газ.

Обороне Ленинграда посвящены сб. рассказов и очерков К. **«Рассказы о ленинградцах»** (1944) и роман **«В осаде»** (1947). В центре романа — коллектив большого машиностроительного завода с его трудовыми, по существу боевыми буднями. «Роман полон событиями прочувствованными, продуманными, выстраданными», — писал о нем В.с. Вишневский (Труд. 1948. 8 апр.). Интересны и содержательны персонажи романа Мария Смолина, Ольга Трубникова, Вера Подгорная, капитан Каменский и др. Для творческой манеры К. было характерно постоянное стремление к новому, от одного замысла автор переходил к другому, вот почему многое осталось неопубликованным — комедия **«Успех»**, либретто опер **«Мужество»** и **«Сила войны»**. В 1952 вышел новый роман К. **«Дни нашей жизни»**, посвященный проблемам рабочего класса на примере ленинградского завода. И здесь судьбы героев правдиво отразили мн. существенные коллизии и конфликты современности, что отмечалось в печати (Кондратович А. Завод и люди // Новый мир. 1952. № 12; Штут С. Почувствовать красоту деяния // Лит. газ. 1954. 7 дек.; Макогоненко Г. Против «тления слова-сырца» // Новый мир. 1954. № 12).

Народ поднимал страну из руин и пепелищ, потому «производственная» тема, тема строительства, оказывалась на переднем плане в лит-ре. Новаторам производства и науки, борцам за технический прогресс был посвящен роман К. **«Иначе жить не стоит»** (1960). Автор показывает, как высокая новаторская цель вызывает подъем науч. мысли, борьба с консерваторами и карьеристами становится школой мужества, гражданского роста. Это подтверждают судьбы главных положительных героев — инженера Мордвинова, изобретателя Светова, производственника Липатова. Общее дело сближает, но различное к нему отношение со стороны разных персонажей порождает новые конфликты, и снова автор анализирует сложные многоплановые отношения людей, сплетения их судеб.

Для творчества К. характерна многожанровость, разносторонний охват жизни. В 1945 К. публикует повести **«Золотой мост»** и **«На берегу Невы»**. В 1958 издает книгу очерков **«Китай сегодня и завтра»**. Комедия **«Да, вот она любовь!»** (1954) была поставлена на сцене Театра им. Евг. Вахтангова в Москве. В 1964 К. издает сб.

рассказов **«День, прожитый дважды»**, в 1967 драму **«Прошу слова!»**. Часто выступает со статьями и очерками о Ленинграде и ленинградцах, по вопросам лит-ры в «Ленинградской правде», «Правде», «Лит. газ.», «Известиях» и др.

Активно участвуя в лит.-общественной жизни, К. была избрана членом правления СП СССР. Постоянными были помощь молодым писателям и встречи с молодыми читателями. К. была одним из инициаторов создания в Ленинграде молодежного ж. «Аврора», который начал выходить в 1969. В 1974 отдельной книгой издается повесть **«Вечер. Окна. Люди»**. Новую жизнь обретают прежние произведения К., драма «Мужество» в инсценировке И. Мурзаевой была поставлена в театрах Москвы и Комсомольска-на-Амуре. По роману «Мужество» был поставлен многосерийный телефильм и написана опера «Город юности» (либретто С. Северцева, музыка Г. Шантыря), она также шла на сцене. В 1982 в прессе продолжали отмечать популярность романа «Мужество» (Дальний Восток. 1982. № 5. С. 150). Произведения К. переведены на иностр. яз.

Соч.: СС: в 4 т. Л., 1978–80; Иначе жить не стоит: роман. М.; Л., 1966 (и др. изд.); Прошу слова!: драма. М., 1967; В осаде: роман. Л., 1969 (и др. изд.); Вечер. Окна. Люди: повесть. М., 1974; Мужество: роман. Л., 1980; Вера Щекина: Очерк // Победа. М., 1984. С. 103–107.

Лит.: Раппопорт Э. Вера Кетлинская. Л., 1958; Костелянец Б. Творческая индивидуальность писателя. Л., 1960. С. 317–342; Хорошкин В. Многоцветность жизни и мастерство писателя // Дальний Восток. 1982. № 5; Рахманов Л. Чет-нечет. Л., 1988. С. 494–497; Шварц Е. Живу беспокойно. Л., 1990. С. 497–505; Макарова Н. Мужество: Из дневника старшего редактора // Нева. 1991. № 5. С. 186–188.

Р. В. Шошин

КИБИРОВ (настоящая фамилия Заповев) Тимур Юрьевич [15.2.1955, г. Шепетовка Хмельницкой обл. Украинской ССР] — поэт.

Осетин по национальности, родной яз. — русский. Семья из терских казаков-осетин, в 1825 получивших звание казачьих за верность России. Дед по отцовской линии — Заповев Кирилл Иванович, урядник царской армии, кавалер двух Георгиевских крестов (IV и III степеней). Арестован в 1929, сослан в Сибирь, расстрелян в 1938, реабилитирован в 1956. Отец — Юрий Заповев, офицер, полковник. В 1990 (начало возрождения терского казачества) был избран помощником ата-

мана, членом правления, заместителем редактора газ. «Терский казак». Пишет историю станицы Чернойорской. Мать — Джемма Залева. К фамилии самого знаменитого предка по материнской линии — полковника царской армии Георгия Кибирова, который пользовался огромным уважением казаков, — прибегает поэт в качестве лит. псевдонима.

По образованию филолог-русист: окончил Московский областной педагогический ин-т им. Н. К. Крупской. Работал младшим науч. сотрудником Ин-та искусствоведения Министерства культуры СССР.

Первые стихи начал писать в 12–13 лет, поэт-кумир — Блок, в 20 лет открытием стали стихи Бродского. По собственному признанию, особенно «пристрастился» к писанию стихов во время службы в армии (служил в войсках ПВО). Первая публикация — «Вступление» (Юность. 1988. № 9). В 1997 дебютировал как лит. критик. К.— «масштабный поэт», «азартный деятельный художник» (С. Гандлевский). К.— «лучший, талантливейший поэт эпохи постсоциализма» (М. Золотоносов). К.— «самый популярный поэт 1990-х гг.» (М. Эпштейн).

Т. Ю. Кибиров

Разные исследователи относят творчество К. к различным направлениям в совр. поэзии. В самом широком смысле К. примыкает к постмодернистской поэтической тенденции «московских концептуалистов», группе «Альманах» (вместе с Д. Приговым, Л. Рубинштейном, С. Гандлевским, М. Айзенбергом, Д. Новиковым и др.). На внешнем уровне К. действительно широко использует все те характерные приемы, которые могут быть квалифицированы как приемы концептуального искусства: цитатность (в самом ёмком смысле), аллюзивность, интертекстуальность, метатекстовость, пародийность, «механистичность» приема, стирание границ в позиции автора и героя, циничный ракурс восприятия прошлого, формально-стилевая близость соц-арту, рифмо-ритмическая небрежность, языковая грубость, матерщина и т. д. Однако внутреннее их наполнение у К. оказывается иным: в отличие от поэтов-концептуалистов он акцентирует не формальную, а смысловую сторону приема.

Цитатность К. становится одним из главных и определяющих приемов его поэтики, его песня складывается из строк и образов др. художников: «Каблучки в переулке знакомом / все стучат по асфальту в тиши / Люди Флинта с путевкой обкома / что-то строят в таежной глуши / И навстречу заре уплывая / по далекой реке Ангаре / льется песня от края до края / И пластинка поет во дворе» («Сквозь прощальные слезы»). Голоса предшественников органично и гармонично вплетаются в ткань его поэзии. Естественность этого соединения свидетельствует не о заимствовании чужого, а о восприимчивости к чужому, о способности и наследовать и развивать. К. «перепевает» популярный песенно-стихотворный репертуар советских лет. Но в отличие от концептуалистов К. заглядывает в душу homo sapiens, а не homo soveticus. Аллюзия или цитата, так же как и язык 1960–70-х используются в его поэзии не в переносном значении (с целью осмеяния, отрицания, пародирования или снижения), а в прямом — в качестве непосредственных знаков-репрезентантов своего времени.

Дистанцирует от концептуализма и называет К. поэтом только «близким концептуализму» И. Васильев (Васильев И. Русский поэтический авангард XX века: автореферат докторской дис. Екатеринбург, 1999. С. 39). С. Гандлевский причисляет К. к направлению «критический сентиментализм» (Гандлевский С. Разрешение от скорби // Личное дело №. М., 1991. С. 231). М. Эпштейн квалифицирует К. как поэта-«постконцептуалиста», пре-

одолевающего «ту подчеркнутую отчужденность <...> которая свойственная концептуализму». «Если в концептуализме господствует абсурдистская, то в постконцептуализме — ностальгическая установка: лирическое задание восстанавливается на антилирическом материале — отбросах идеологической кухни, блуждающих разговорных клише, элементах иностранной лексики» (Эпштейн М.— С. 275).

В творчестве К. основу содержательного уровня худож. материала составляет осмысление недавнего советского прошлого страны, основу формального уровня обеспечивает апелляция к устойчивым формулам социалистического быта и бытия, идеологическим клише советских лозунгов, популярных песен, народного кино, образцовых произведений соцреалистической лит-ры. В результате создается «широкая и исчерпывающая картина советского мира, составленная как мозаика из точных деталей-перечислений» (Агеносов В., Анкудинов К. Современные русские поэты: справочник. М., 1997. С. 47): «Как все забавно и как все типично! / Слишком типично. Почти символично. / Профиль на мемориальной доске / важен. И с профилем аналогичным / мимо старуха бредет астматично / с жирной собакою на поводке» (**«Художнику Семену Файбисовичу»**).

Бросается в глаза иная, чем у поэтов-концептуалистов, модальность отношения к прошлому. Если в поэзии авангарда главный пафос состоит в отрицании недавнего прошлого, то К. вспоминает о счастливом детстве, верных друзьях и юношеских приключениях, «...поэт пишет о пространстве и времени, в которых ему выпало жить, с любовью» (Зорин А. Тимур Кибиров. Сортиры // Лит. обозрение. 1991. № 11. С. 107). «Помнишь, в байковой пижамке, / свинка, коклюш, пластилин, / с Агнией Барто лежали / и глотали пертусин? <...> И вприпрыжку мчались в школу. / Мел крошили у доски. / И в большом колхозном поле / собирали колоски. / Пили вкусное парное /с легкой пенкой молоко. / Помнишь? Это все родное. / Грустно так и далеко...» (**«Л. С. Рубинштейну»**). В стихах К., посвященных детству, сквозит красота и возвышенность, лиризм и ностальгическая грусть. «Советское здесь, собственно, перестает быть особенно советским и становится по преимуществу детским <...> возвышенный пафос К. касается не только и даже не столько советского „большого стиля“, сколько мелочей, подробностей, повседневных реалий советской жизни, даже знаков ее бедности и неустроенности...» (Курицын В.— С. 102).

Тема детства прочно смыкается с темой родины, ее судьбы, ее истории, ее настоящего и будущего, намечая зависимость поэта не столько от совр. традиций концептуального искусства, сколько от традиций классической русской лит-ры: «Щелкни ж на память мне Родину эту, / всю безответную эту любовь, / музыку, музыку, музыку эту, / Зыкину эту в окошке любви!»

Чувства-воспоминания о детстве провоцируют начало лирического разговора о родине, образ которой вырисовывается у К. в контексте всей русской лит-ры: от «странной» любви лермонтовской «Родины», через «убогую» и «всесильную» матушку-Русь Некрасова, через «умом Россию не понять» Тютчева вплоть до «расхлябанной колеи» Блока. «Грядки с чахлою ботвой. / Звуки хриплые баяна. / Матюканье и блянянье. / Запах хлебного вина. / Это Родина. Она / неказиста, грязновата / в отдалень от Арбата / развалилась и лежит, / чушь и ересь городит...». Образ родины, создаваемый К., вбирает в себя высокое и низкое, радующее и отвращающее, природное и урбанистическое, притягивающее и пугающее. Однако он служит поэту опорой в его надежде «победить смерть»: средством ее преодоления, по К., становится не просто «странная», «не от ума» любовь к России, но ее этико-эстетический потенциал, ее культура и литература: «...здесь вольготно петь и плакать, / сочинять и хохотать, / музам горестным внимать, / ждять и веровать, поскольку / здесь лежала треуголка / и какой-то том Парни, / и, куда ни поверни, / здесь аллюзии, цитаты, / символистские закаты, / акмеистские цветы, / баратынские кусты, / дostoевские старушки / да гандлевские чекушки, / падежи и времена! / Это Родина. Она / и на самом деле наша...» (**«Возвращение из Шилькова в Коньково»**).

По мнению критика, «К.— единственный поэт младшей генерации, который сумел пропустить через свое сердце трагизм современной культуры, которая не может свободно пользоваться плодами отчужденной традиции, но не мыслит и разрыва с ними без окончательной гибели для самой себя», и, несмотря на «жуть» кибиrowsкого языка, поэт, «сумел-таки вырыдать самое святое...», «вечную» тему любви к родине (Архангельский А.— С. 328–330). Осетин по происхождению, которому «...пятый пункт не позволит / и сыном назваться...» (**«Русская песня»**), К. говорит о себе: «И русский — не русский — не знаю, / Но я буду здесь умирать» (**«Русская песня»**).

Лауреат нескольких лит. премий, в т. ч. Пушкинской премии (1992, Гамбург), Антибукер (1997, Москва). Член российского ПЕН-клуба. Живет в Москве.

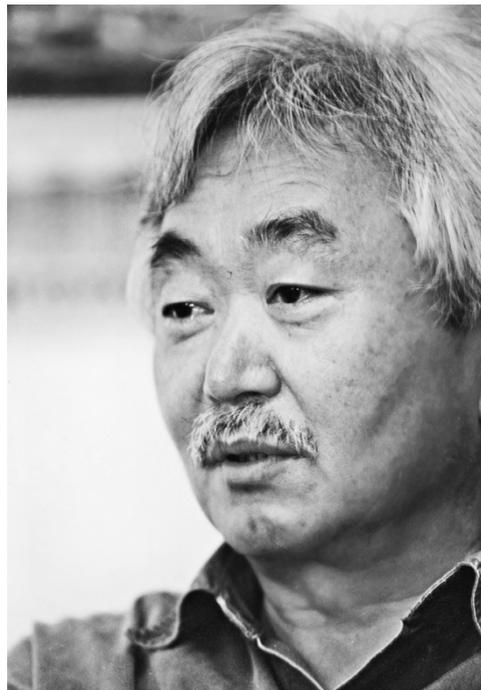
Соч.: Общие места / послесл. Т. Чередниченко. М., 1990; Календарь. Владикавказ, 1991; Стихи о любви. М., 1993; Сантименты: Восемь книг / предисл. С. Гандлевского. Белгород, 1994; Когда был Ленин маленьким / илл. А. Флоренского. СПб., 1995; Парафразис. СПб., 1997; Интимная лирика. СПб., 1998; Избранные послания. СПб., 1998, Улица Островитянова. М., 1999, Новации. СПб., 1999; Юбилей лирического героя. М., 2000.

Лит.: Архангельский А. В тоске по контексту: От Гаврилы Державина до Тимура Кибирова // Архангельский А. У парадного подъезда. Лит. и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М., 1991; Золотосов М. Логомахия: Знакомство с Тимуром Кибировым: маленькая диссертация // Юность. 1991. № 5; Зорин А. «Альманах» — взгляд из зала // Личное дело №. М., 1991; Куланова М. И замысел мой дик — Играть ноктюрн на пионерском горне! // Новый мир. 1994. № 9; Курицын В. Соц-арт любитесь-2 // Курицын В. Русский лит. постмодернизм. М., 2001; Лекманов О. Послание Тимуру Кибирову из Опалихи в Шильково через Париж // Русская мысль. La pensee russe. Париж. 1993. 11–17 нояб. № 4004; Левин А. О влиянии солнечной активности на совр. русскую поэзию // Знамя. 1995. № 10; Немзер А. Двойной портрет на фоне заката: Заметки о поэзии Т. Кибирова и прозе А. Слаповского // Знамя. 1993. № 12; Тоддес Е. Энтропии вопреки: Вокруг стихов Тимура Кибирова // Родник. 1990. № 4; Чередниченко Т. Песни Тимура Кибирова // Арион. 1995. № 1; Чудакова М. Путь к себе: Беседа с корреспондентом // Лит. обозрение. 1990. № 1; Шохина В. Символистские закаты и блатные песни // Независимая газ. 1998. 15 янв.; Эпштейн М. Зеркало-щит. О концептуальной поэзии. Каталог новых поэзий // Эпштейн М. Постмодерн в России. Лит-ра и теория. М., 2000.

О. В. Богданова

КИМ Анатолий Андреевич [15.6.1939, пос. Сергиевка Тюлькубасского р-на Казахской ССР] — прозаик, сценарист.

Родился в корейской семье в Южном Казахстане. «Мой дед Ким Ги-Ен происходил из рода крупного военного чина, начальника королевской стражи, который в XV веке после дворцового переворота вынужден был бежать и скривился в глухой провинции на севере Кореи. Там и проросла наша тоненькая фамильная ветвь, которая впоследствии проникла в Россию, где я и увидел свет» (**Мое прошлое** // Остров Ионы. С. 5). Детство и юность прошли на Дальнем Востоке. Учился в Московском худож. училище памяти 1905. В 1971 заочно окончил Лит. ин-т им. Горького в Москве, где занимался в творческом се-

А. А. Ким

минаре В. Лидина. Трудовая биография К. пестра: он работал крановщиком башенных кранов, мастером на мебельной фабрике, кинемехаником, художником-оформителем, инспектором-искусствоведом в Худож. фонде СССР, позднее преподавал в Лит. ин-те им. Горького (вел семинар прозы), работал в изд-вах и редакциях. Свой уход от живописи и приобщение к лит. творчеству К. объясняет так: «Я когда-то учился на художника и очень увлекался живописью, рисунком. И никогда бы не бросил этого дела, если бы не было такого мучительного переживания времени, которое и привело меня к литературе. Картина всегда являет застывшее мгновение, литература — живой поток времени, времени необратимого, плотного, упругого и вместе с тем пронцаемого, открывающегося в своей неповторимости» (Лит. обозрение. 1990. № 6).

Свой путь в лит-ру К. начал со стихов, опубликованных в газ. «За автодорожное движение». Однако первая серьезная публикация К., обратившая на себя внимание критики, — рассказы «Акварель» и «Шиповник Меко» (Аврора. 1973. № 1). Первые рассказы К. привлекали не только экзотичностью материала, глубиной постижения драматически сложившихся судеб героев, но и проникновенным лиризмом, живописно-